

То, что в России будет предпринята попытка реванша, - это очевидно

Щедровицкий П.Г. То, что в России будет предпринята попытка реванша, - это очевидно // Телеграф. – Февраль 2015.

Российский философ Петр Щедровицкий собрал в Юрмале на очередную летнюю школу по методологии интеллектуалов из России, Украины, Латвии, Литвы, Германии и Швейцарии, чтобы обсудить тему «Объект и объективация». Вокруг «сухой» формулировки развернулись бурные дискуссии на стыке философии, социологии, архитектуры, истории, инженерии и даже о насущных вопросах этики и Холокоста. «Телеграф» побеседовал с Петром Георгиевичем на упомянутые темы, а также о глобальных проблемах, с которыми столкнулись Латвия и Россия.

Проектирование – от банана до аэропорта

После вопроса, откуда взялась тема «Объект и объективация», Петр Щедровицкий задумался – и заговорил... об обезьянах.

Около ста лет назад один из основателей гештальт-психологии Вольфганг Келер проводил эксперименты с человекообразными обезьянами и обнаружил, что шимпанзе способны выйти за границы чисто инстинктивного поведения. Когда в ходе эксперимента банан или другой вызывающий интерес предмет прятали за камнем, откуда его невозможно было просто так достать, то обезьяне приходилось взять палку и с ее помощью доставать, казалось бы, недоступный предмет. Исследования начала XX века показали, что приматы обладают способностью не только использовать простейшие орудия и выстраивать последовательность операций, но и прибегать к более сложным, можно сказать, «обходным» путям и действиям.

Если перейти от обезьян к людям, то я разделяю тезис австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса, который считал, что предпринимательская прибыль – это плата за правильный прогноз. Человек может более эффективно использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы, если он сумел спрогнозировать возможное развитие событий. Для чего, как правило, нужно построить новое, более сложное действие, которое психологи и экономисты называли «окольным путем». Такой путь оказывается более продуктивным за счет освоения и применения специальных знаковых средств, речи, умения выстраивать кооперацию с коллегами – перераспределять между собой функции в планировании и осуществлении сложной деятельности. Один изготавливает орудия, другой готовит работе место, третий использует это орудие для производства продукта....

Все это самым непосредственным образом относится к теме проектного мышления. Есть гипотеза, что интеллектуальные способности, которые в эмбриональных формах наблюдаются у высших приматов, в дальнейшем развиваются у человека по мере усложнения действия, необходимости разложить его на последовательные шаги и этапы, а затем «запараллелить» разные типы работ, чтобы в итоге сократить время производственного процесса. Необходимость предвидеть «будущее», построить план совместно-распределенной деятельности обеспечивает рывок в эволюции - и собственно создает человеческий интеллект.

Обезьяна, пытающаяся достать банан, традиционный крестьянин, разбирающийся в типах почвы и сельскохозяйственных культур, и современный человек, вынужденный ориентироваться в куда более сложных системах производства и инфраструктурах, - их всех объединяет необходимость учитывать характер ситуации, в которой они находятся. И совсем не факт, что если некое орудие сработало в одной ситуации, то его можно применять и во всех остальных... Все эти типы действия и деятельности требуют построения представлений о ситуации, о тех «вещах», с которыми приходится иметь дело, об их устройстве, другими словами - требуют объективации. Сначала анализа и

осмысления специфики соразмерной человеку среды, а потом и проектирования.

Практически вся европейская философская традиция – по крайней мере, со средневекового спора между номиналистами и реалистами о природе общих идей, о различении объектов природного мира и артефактов (всего созданного головой и руками человека) – занималась уточнением устройства окружающего нас мира, его «природы», а значит и проблемами объективации. Тому, что мы сегодня называем наукой, предшествовало философское размышление.

Вслед за появлением первых методов объективации в живописи и философии идет инженерия, обеспечивающая переход от исследовательских моделей к созданию технических объектов и сооружений. Чтобы спроектировать современный аэропорт, в голове у проектировщика должны быть схемы различных объективных процессов, таких как транспортная логистика, пассажиропотоки и поведение пассажиров, пропускная способность аэропорта. Если вы построите слишком мало выходов, самолеты не смогут садиться, не поставите в нужном месте розетку – ожидающий вылета пассажир не сможет подзарядить свой телефон или компьютер, не сможет воспользоваться широко рекламируемой услугой Wi-Fi и т.д., и т.п.

Проектировщик должен собрать гигантский набор представлений о том, как устроена та область деятельности, в которую будет функционировать создаваемая им техническая система. Если к подобному проектированию допустить людей, не имеющих в голове соответствующих моделей и надлежащего опыта, то получится полная ерунда. Тесные и душные аэропорты, через которые не хочется летать, рестораны, в которых не хочется есть, туалеты, в которых нельзя справить нужду...

В этом плане вся окружающая действительность является результатом длительного опыта построения соответствующих объектных

представлений, их реализации в инженерных решениях, в практике деятельности и последующей критики удачных и неудачных решений.

Германская «машина» с одинаковой эффективностью строила автобаны и убивала людей

В Юрмале в контексте разговора об объективации звучали имена философа Ханны Арендт и социолога Зигмунда Баумана, занимавшихся проблематикой Холокоста.

Ханна Арендт анализировала опыт Второй мировой войны и Холокоста, создания больших исполнительских машин деятельности и бюрократического аппарата. Примечательно, что за несколько десятилетий до публикации ее работ и собственно до самого Холокоста в работах конца 1930-х годов ту же тему обсуждал философ Николай Бердяев, высланный из России на знаменитом «философском пароходе». Бердяев утверждал, что способ жизни человека связан с объективацией его мыслительных конструктов. При этом человеку часто кажется, что он демиург и может придумывать и осуществлять все что угодно, а потом он вдруг с удивлением обнаруживает, что в этом придуманном мире ему придется еще и жить. Когда он сталкивается с результатами предшествующих объективаций, осуществленных другими или им самим, то, как правило, видит вопиющее несоответствие замысла и реализации.

В этом смысле я разделяю утверждение Бердяева, что современное государство, современные политические институты, современная бюрократия и современное производство во многом является плодом наших предшествующих мыслей и действий. Результатом оестествления человеческих действий, хотя и не калькой наших исходных замыслов. Конкретно нашей с вами и человечества в целом. Когда мы потом говорим: «Ой, экологический кризис!», - то собственно, о чем и о ком мы говорим? Мы говорим о самих себе. Не о божественном провидении или случайности, а о том, что мы что-то не учли в процессе проектирования и реализации.

Говоря об артефактах, плодах человеческой мысли и рук, следует понимать, что к их числу относятся политические и образовательные институты, осмыслением которых после Второй мировой войны как раз занимались Ханна Арендт и Зигмунд Бауман. Они пытались найти ответ на вопрос, каким образом в немецком обществе, казалось бы, достаточно культурном и развитом, стал возможен Холокост.

Напомню, что во второй половине XIX века в германском мире началась мощная волна индустриализации – Германия пересобралась и стала единым государством. Была реформирована система общего и университетского образования, причем так, что и США, и Россия начали ее копировать. Темпы развития во всех областях деятельности в этот период были чрезвычайно высокими, и казалось, что все идет хорошо. Пока в какой-то момент не обнаружилось, что спроектированная таким образом централизованная система управления, когда на производстве, в государственном управлении и обществе в целом каждый из знает свое место, но не очень понимает как устроено «целое», способна с одинаковой эффективностью строить автобаны, производить товары народного потребления и... убивать людей.

При этом не совсем правильно говорить, что в утопии Третьего Рейха не оказалось места для евреев – они были сознательно помещены на уготованное им место в рамках новой «картины мира». Они были избраны в качестве врагов для сплочения остального общества, для его мобилизации и решения вполне определенных политических и социальных задач. После поражения в Первой мировой войне, масштабного экономического и политического кризиса 20-х годов, Германское общество нуждалась в поиске врага - можно сказать, что это был запрос коллективного бессознательного.

Такое часто происходит, когда для решения острых социальных и политических проблем общество порождает врага. Им в принципе может стать кто угодно. В России после революции классовая война была направлена на уничтожение аристократии и интеллигенции. В конкретных германских условиях такой группой стали евреи. И при всем

ужасе Холокоста в середине XX века, нужно признать, что это далеко не первый случай, когда агрессия общества направлена на конфессиональные или этнические меньшинства. Достаточно вспомнить, как в конце XV века евреев изгоняли из Испании. Подобные ситуации возникали во многих местах Европы на протяжении ее истории.

«Помните, что на этом самолете будут летать ваши дети!»

Упомянутые авторы формулируют вопрос следующим образом: каким образом и в какой степени в нашу деятельность, в частности наши способы построения представлений об объектах и реализации этих представлений при достижении конкретных целей, должны быть заложены этические ограничения. Предельно упрощая, это можно сравнить с автоматическим ограничителем скорости в современных автомобилях. В Японии, например, ставят звоночек, который начинает звенеть по нарастающей, когда скорость превышает определенный предел. Тем самым сообщая человеку за рулем, что он подвергает опасности себя и пассажиров.

Встроены ли такие звоночки в окружающие нас политические институты, системы производства, объекты городской инфраструктуры? И каким образом эти объекты могут сигнализировать о возможности нарушения не только технических, но и морально-этических норм? Если в ходе домашнего воспитания, образования, последующей работы и в целом в культурной среде, в которой мы находимся, такие ограничения не поставлены или мы не умеем их различать, то возможен постепенный и незаметный для самих действующих лиц переход незримой границы между «добром» и «злом».

Среди прочего Арндт и Бауман обсуждали феномен нацистского палача Адольфа Эйхмана, который на процессе в Израиле настаивал на своей невиновности, поскольку следовал приказам и «правилам войны». Эйхман, по всей видимости, лукавил, но дело в том, что очень часто человек, занимающий место в сложной системе деятельности,

действительно не видит целого. В принципе заводской рабочий, хорошо выполняющий свою функцию, может не знать что он в конечном счете производит. Вопрос, где та линия – этическая граница – нарушение которой может привести к необратимым морально-этическим последствиям, как на индивидуальном, так и на коллективном, общественном уровне.

Очень часто приходится слышать от разных людей: «Меня это не интересует...», «Не мое дело...», «Я за это не отвечаю...» Мне как-то рассказали, что в цехе одного из заводов, участвующего в сложной кооперации по производству «Боинга», висит плакат: «Помните, что на этом самолёте будут летать ваши дети!» Это пример, как человеку, делающему конкретную деталь, возвращают целостное понимание ситуации, «объекта» и возможных последствий его деятельности.

О пользе истории

В ходе разговора возник вопрос, насколько продуктивно усматривать в происходящем в России аналогию с Германией периода Веймарской республики, где после проигрыша Первой мировой многие пребывали в святой уверенности, что «на самом деле мы ничего не проиграли, просто нам нанесли удар в спину».

Подобное происходило в истории – и не раз. Не только в Веймарской республике – во многих странах, потерпевших поражение в войне или проигравших в глобальной конкуренции. Не стоит забывать, что 90% европейцев, втянутых в Первую мировую, переживали эйфорию, несказанный восторг в связи с началом войны. Искренне радовались, считая, что война способна решить накопившиеся проблемы.

Как показывает история, монархи, политики и военачальники всякий раз готовятся к прошлой войне. Когда в ходе Столетней войны перед англичанами, уже использовавшими пушки, вставал строй закованных в латы французских рыцарей, то после сражения их разнесенные в клочья

тела находили на деревьях. Почему? Потому что они не ожидали ничего подобного! И это тоже вопрос об объекте. Французское командование совершенно не понимало, в какой новой ситуации оно оказалось. Понадобилось несколько лет, прежде чем они пришли к необходимости перестройки тактики боя, изменения требований к вооружению и способам его применения.

Как правило, не происходит ничего, чего бы уже не было в предыдущей истории. Просто то, что происходит здесь и сейчас, на ваших глазах, людьми, не отягощёнными знанием истории, всякий раз воспринимается как неожиданность. Между тем для историка, философа, политика с надлежащей подготовкой нет никакой новизны – он видит лишь проявления закономерностей функционирования и развития социальных общностей. Эти закономерности описываются в теории деятельности, исторической макросоциологии и психологии коллективных действий. Там сформированы представления о подобного рода объектах и процессах. Надо просто, извините за выражение, взять и прочесть. Не устаю напоминать своим детям, что чтение – это, вообще-то, полезно.

– Что именно, каких авторов, по-вашему, стоит читать, чтобы не впасть в большую войну, о которой сегодня любят порассуждать публицисты, политики и даже военные?..

Всегда есть партия войны, к которой относятся те, кому война выгодна. Всякая война – это сгусток экономических процессов, точка пересечения огромных денег и интересов.

Настоятельно рекомендую прочесть книгу Барбары Такман... В данном случае не «Августовские пушки» о начале Первой мировой, принесшую автору всемирную известность, а более позднюю: «Загадка XIV века» – о том, как Европа переживала Столетнюю войну. О первых массовых эпидемиях, городских восстаниях, закате итальянских городов-государств и других ключевых событиях того, казалось бы, далекого от нас века.

Также рекомендую книгу Сесили Вероники Веджвуд «Тридцатилетняя война», где описан феномен распоясавшихся военных. Когда люди, умеющие только воевать, собираются в наемные армии, которые самоснабжаются за счёт грабежа мирного населения. Они грабят и насильничают не в силу какого-то особого злодейства, а просто потому, что командование часто задерживает выплату жалованья, а жить-то надо. Такие объединения профессиональных вояк на протяжении долгого времени бродили по Европе, пока государи и князья, устав от войны и разорения, не собрались на мирную конференцию. Самое любопытное, что ее участники поначалу никак не могли припомнить, из-за чего, собственно, началась война и что должно стать предметом мирного соглашения.

На примере описанных историком событий XVII века мы видим, что войны могут иметь самовоспроизводящийся характер.

Говорите, генералы и военные эксперты обсуждают войну... А о чем им еще говорить? Ведь именно за это они деньги получают. Они отлично понимают, что их позиция в предвоенное и военное время будет куда сильнее, чем при «вечном мире». Как в XVII веке, так и сегодня в мире огромное количество наемников, владеющих единственной профессией – воевать и убивать. По-другому они просто не могут жить и переезжают из одного региона боевых действий в другой. Из Афганистана в Чечню, из Чечни в Украину.

Занимаясь описанием и моделированием больших процессов в прошлом историческая макросоциология создает представления об «идеальных» объектах, позволяющие понимать историю, а при помощи выявляющих общие закономерности описаний – и происходящее сегодня. К числу подобных закономерностей относятся процессы снабжения, распределения рабочих мест, демографические проблемы... У всех на памяти «арабская весна» - волна революций, в начале XXI века прокатившаяся по арабскому региону. Там традиционные формы семейной экономики, крестьянские хозяйства натурального типа, и сопутствующее им крестьянское общество ушли в прошлое – в

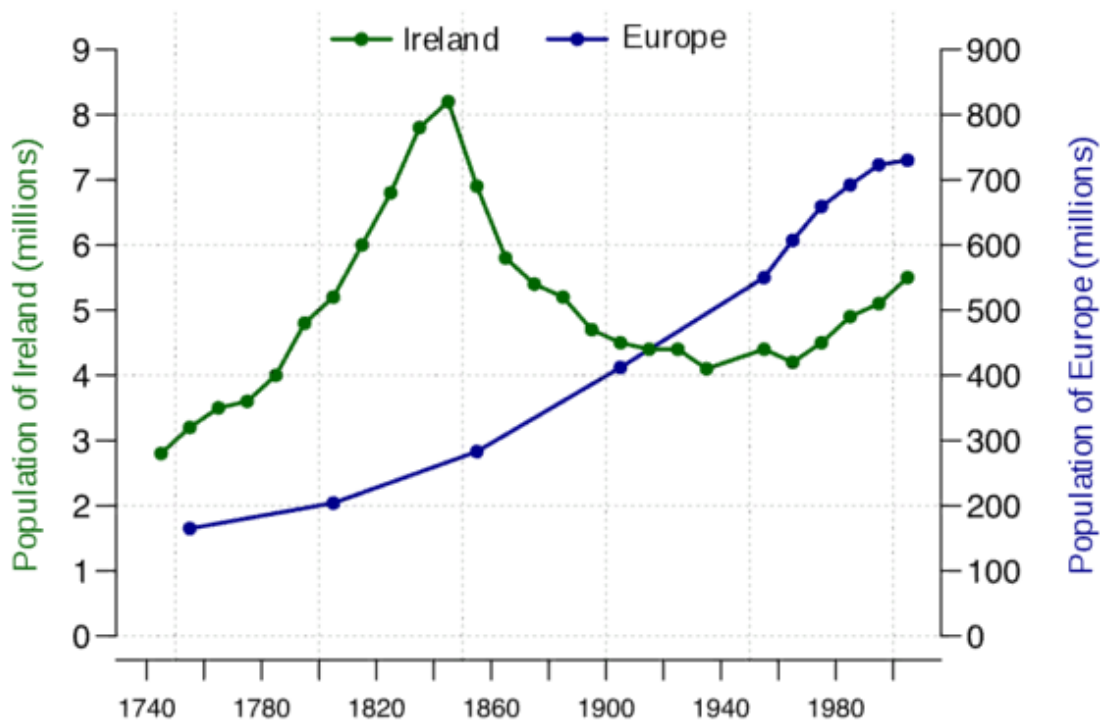
современном мире продовольствие производят и завозят в супермаркеты глобальные компании. У следующего поколения выходцев из крестьянских семей – колоссальной массы мужчин в возрасте 25-30 лет – не оказалось ни достойной работы, ни надежды ее когда-нибудь получить, ни поддержки традиционной крестьянской общины. Они попали в ситуацию, когда им не с чем прийти домой, они не могут без стыда смотреть в глаза детям и женам. При этом это поколение уже получило неплохое образование: они в курсе новостей, читают книги, пользуются интернетом, видят, как живут другие, - сравнивают и делают выводы. Для воспламенения этой человеческой массы достаточно одной спички, любого повода, чтобы начались стихийные и неконтролируемые социальные процессы.

Не знающие истории, в особенности склонные к различным теориям заговора, видят в «арабской весне» лишь проявление внешних враждебных сил. Но ведь можно увидеть и макросоциологические процессы, имеющие вполне конкретные внутренние причины, к тому же многократно повторявшиеся в истории.

Если заглянуть в прошлое, то мы увидим, что при каждом существенном технологическом и экономической сдвиге гигантские потоки людей устремлялись в центры нового роста, в центры изменений. Так, в конце XIX-начале XX века поток мигрантов устремился в США, которые успешно абсорбировали миллионы людей. Внимания заслуживает сам факт: беспрецедентное число волевых, целеустремленных людей бросили все, снялись с места и пересекли океан. Как правило, они были неплохо образованны для своего времени. Хотя далеко не все. Я намеренно упоминаю образование последним пунктом: чтобы оказаться и освоиться на новом месте, прежде всего, нужно не образование, а воля и целеустремленность. Образование и конкретную подготовку можно и потом получить – если точно знаешь, чего требует ситуация и чему ты сам хочешь научиться.

Глобальный пылесос неотвратимо вытягивает человеческие ресурсы из одних регионов и перекачивает в центры роста, пренебрегая зонами

застоя. Латвия могла убедиться на своём примере, что означает потеря порядка 10% населения. При этом латвийцам не стоит впадать в отчаяние. Достаточно вспомнить, сколько переселенцев покинули Ирландию в конце XIX-начале XX века. Пятьдесят процентов тогдашнего населения!

Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_the_Republic_of_Ireland

Не нужно думать, что в этом мире мы родились первыми и с нами происходит что-то уникальное. Ничто не ново под луной. Новое – это то, что я сегодня видел в магазине: электромобиль. Не экспериментальный образец, а общедоступный электромобиль, который может приобрести каждый за деньги, в общем сопоставимые с покупкой бензинового и дизельного авто.

Это я говорю к тому, что есть технический прогресс, специфические технологические изменения, а есть базовые исторические процессы, протекающие по своей логике.

Прожить и пережить

Нацизм с фашизмом случились не в одной Германии, но и во многих странах Европы. Нелишне напомнить, что в 1920-е на Дальнем Востоке, в Харбине, была мощная русская фашистская партия. Ведь истоки нацизма и фашизма не в этничности как таковой, а в ситуации геополитического и морального поражения. С помощью подобных идей люди, потерпевшие поражение, пытаются отыгаться, вернуть себе смысл жизни.

В СССР и теперешней России продолжается спор – насколько ответственность за все, что творилось в период сталинизма, следует приписывать одному Сталину. Я рассматриваю сталинизм как, прежде всего, широкий, массовый общественный феномен. Всякое общество порождает тех политиков, которые соответствуют протекающим в нем социально-психологическим и культурным процессам. Проблема современной России не в том, что в свое время здесь творились страшные вещи, а том, что многое из этого до сих пор не отрефлектировано и не объективировано в общедоступных формах – а значит, не прожито и пережито, особенно новыми поколениями.

Сразу после окончания Второй мировой союзники заставляли немцев раскапывать массовые могилы жертв нацизма и производить перезахоронение. Не только смотреть на экране снятую в Освенциме и других лагерях смерти кинохронику с горами тел, но и лично копать, вытаскивать, вдыхать... Для германских обывателей, которые действительно не знали или старались не замечать творившееся рядом, это стало колоссальным откровением и мощным эмоциональным переживанием.

В Советском Союзе был свой опыт массового смертоубийства, который в отличие от Германии до сих пор не понят и не пережит. И тут возникает еще одна проблема, описанная Арендт, Бауманом и другими авторами. Оказывается, мало сказать и показать немцам, что они были неправы, заставить покаяться и поклясться, что больше никогда... Если покаяние

не пережито отдельными людьми, а значит и обществом в целом, то по способу действия это ничем не отличается от самого нацизма. Обществу, не осознающему вину в результате индивидуального самоосознания и самоопределения его членов, невозможно ничего вменить. Причем любые попытки насильственного вменения вины будут встречены крайне агрессивно.

К сожалению, практически в любой современной российской трактовке трагических событий XX века можно услышать, что, во-первых, ничего этого не было, во-вторых, это не мы, в-третьих, делали все правильно. Причем одновременно. Это свидетельствует о том, что россияне до сих пор не способны принять, прожить и преодолеть свой деструктивный опыт.

Перспектива России

В завершение задаю собеседнику вопрос, есть ли у России в ее нынешнем состоянии шанс вырваться на магистральную трассу истории XXI века.

История на то и история, что идет своим чередом. Что касается Советского Союза и сегодняшней России как правопреемницы и наследницы многих советских проблем, то тут, прежде всего, следует понимать разницу между ними. СССР претендовал на построение своей геоэкономики, своей модели глобализации. Эта модель была принята к осуществлению в конце 1920-х. Именно на эти цели был направлен проект так называемой «сталинской индустриализации».

По итогам Второй мировой войны пространство реализации данной модели существенно расширилось. В процесс оказались вовлечены не только многие европейские страны, но и Африки, Латинской Америки, Азии. В этой игре, или, если угодно, борьбе Советский Союз потерпел поражение.

Точно так же как в XVI веке Испания проиграла Англии. Несмотря на то, что в то время Англия отставала от Испании по уровню благосостояния и качества жизни. Тем не менее Испания проиграла. Во многом благодаря случайным обстоятельствам, к которым относится вменяемость монархов, политика принуждения к послушанию сателлитов, тип войны и террора в Испанских Нидерландах, когда герцог Альба в массовом порядке вешал на столбах жителей, боровшихся против повышения налогов и конфессиональных притеснений.

При всей разности этих примеров их объединяет результат: борьба за лидерство была проиграна. Советский Союз потерпел поражение в глобальной экономической конкуренции, причем это произошло еще в 1970-1980-е годы.

Тот факт, что кто-то сегодня пытается отыгаться, взять реванш – этим никого не удивишь. Так происходит всегда. Страна теряет статус сверхдержавы, но при этом вся прежняя сверхдержавная инфраструктура сохраняется в неизменном виде, включая подготовку кадров и армию, которая в разы больше, чем вроде бы должна быть у страны с таким экономическим потенциалом. Все эти социальные силы, конечно же, будут сражаться за то, чтобы воспроизводить традиционную структуру. Даже если в новой ситуации она мало на что годится!

Если в доверительном разговоре поинтересоваться у представителей этих «реваншистских» сил, следует ли что-нибудь пересмотреть в текущей внешней и внутренней политике - в связи с тем, что раньше СССР был второй по величине экономикой мира и сверхдержавой с почти 300 миллионным населением, а сейчас Россия имеет чуть больше 140 миллионов жителей и производит около 3% мирового ВВП - то, по всей видимости, вы получите утвердительный ответ. Только вот к себе ваш собеседник эту необходимость пересмотра вряд ли отнесет. Он-то как раз не хочет меняться, хочет жить как раньше: пользоваться уважением в обществе, получать большое жалование, без каких-либо радикальных изменений своих представлений и способов действия.

А почему, собственно, это должно удивлять?! Так ведет себя абсолютное большинство людей в любой стране мира.

В рамках своего ролевого репертуара все действуют вполне логично. Поэтому на вопрос, в какую конкретно историческую форму выльется происходящая трансформация, сегодня нет ответа – возможны варианты. Но то, что будет предпринята попытка реванша, а потом, раньше или позднее, произойдет осознание и выбор обществом, государственными деятелями и элитой какой-то новой системы геокультурных, геополитических и геоэкономических координат и отношений, - тоже очевидно.

Беседу вёл Игорь Ватолин

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/v-rossii-budet-predprinyata-popytka-revansha>